

АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВКА

НЕ
СЕЗОН

18+

Алексей Петровка

Не сезон

«Автор»

2026

Петровка А.

Не сезон / А. Петровка — «Автор», 2026

Прошлой зимой Зоя видела, как постояльца вели на лёд. Она промолчала — и теперь платит за это каждый день. В октябре в санаторий приезжает Никита Меньшов: без направления, с наличными и просьбой об одном уколе физраствора. Зоя думает, что это странность богатого человека. Но он платит не за укол, а за то, чтобы она смотрела ему в глаза, пока он говорит. Ей нужны деньги на комнату в городе, а он знает слишком много. Что дешевле: узнать правду или сделать вид, что это обычное «Хвойное»? И сколько стоит смотреть правде в лицо, когда правда — о тебе самой?

© Петровка А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Осенняя опись	5
Укол	13
Впечатление	18
Ватник	23
Бактериальный фон	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алексей Петровка

Не сезон

Осенняя опись

Зоя снимала бумажную ленту со стеклянной банки, когда дверь процедурной открылась без стука.

Мужчина стоял на пороге, стряхивая воду с плеч. Плащ тёмный, намокший насквозь. Провёл ладонью по лицу — от лба к подбородку, как будто смывал что-то, чего на коже не было.

— Мне нужна угловая палата, — сказал он. Без «здравствуйте», без «извините». — Третья, восточное крыло.

Зоя поставила банку на край стола. Ватные шарики качнулись.

— Приём через регистратуру. Направление, паспорт, санаторная книжка.

— Направления нет.

— Тогда не могу.

Он шагнул внутрь. От него пахло мокрой шерстью и табаком — старым, застоявшимся, как будто он много часов ехал в поезде, где курили в тамбуре. Остановился у спинки стула, положил на неё ладонь. Пальцы длинные, ногти чистые, обрезанные коротко.

— Вчера звонили из города. Сказали, что место есть.

Зоя поджала губы. Место было. Две недели назад освободилась угловая палата — после того, как забрали старика с тромбом. Антон велел не селить туда никого до ноябрьской ревизии. «Пусть проветрится», — сказал он, и Зоя не спрашивала, от чего именно.

— Список занят, — сказала она. — Угловая на ремонте.

Мужчина смотрел на неё, не мигая. Глаза светлые, почти серые, и в них не было ни усталости, ни просьбы. Только ожидание — как у человека, который уже знает ответ.

— Я не могу поселить вас без направления, — повторила она. Фраза вышла гладкой, служебной — они сами собой складывались длинно, когда внутри поднималось другое, короткое и колючее.

— Вы можете. Просто запишите в журнал. Деньги наличными, в не сезон это нормально.

Он сказал это так ровно, что Зоя замерла. Ровно — как будто читал вслух её собственные мысли. «В не сезон это нормально» — так говорили между собой сотрудники. Света фыркала: «Бумага помнит сильнее, чем люди», и грызла карандаш, когда вносила гостей без записи. Старик Толя из подсобки называл их «хвойниками» — теми, кто приезжал не лечиться, а прятаться.

Но Толя говорил это шёпотом и в сторону.

Зоя слышала, как в кочегарке ссыпали уголь — глухой грохот прокатился сквозь пол, и стекло в процедурной коротко дрогнуло. Она посмотрела на окно. Дождь стекал по стеклу мутными дорожками, за ними — мокрые сосны, серые, сгорбленные. В октябре «Хвойное» выглядело как место, где не живут, а отбывают.

— Платить будете в кассу, — сказала она. — Не мне.

— Я знаю.

Она взялась за журнал. Кожаная обложка, потрёпанная по углам, листы в клетку, испитые за сезон. Она открыла чистую страницу и почувствовала, как ручка скользит в пальцах — влажная, тёплая.

— Фамилия.

— Меньшов. Никита.

Она записала. Дата — пятнадцатое октября. Время — восемь сорок. Примечание — «без направления, по телефонной договорённости». Чернила легли ровно, но строчка вышла кривой, будто рука дрогнула.

Она подтолкнула журнал к краю стола.

— Распишитесь.

Он не взял ручку. Смотрел на страницу так, будто читал не свою записку, а что-то между строк. Потом провёл пальцем по нижнему краю листа — там, где бумага была гладкой, не тронутой чернилами.

— Здесь кто-то был раньше, — сказал он. Не вопрос. Утверждение.

— Все страницы заполнены.

— Эта — нет. Тут вырезан лист.

Зоя моргнула. Она не проверяла журнал с весны — после того, как Антон забрал его на две недели в кабинет, а вернул с новой обложкой. Она думала, что это просто порядок. Чистый журнал на новый сезон.

— Не знаю, — сказала она. — Весной меняли.

Он кивнул — не ей, а своим мыслям. Взял ручку наконец, расписался — коротко, с нажимом: «Меньшов». Буквы острые, угловатые, как будто он экономил чернила.

— Ключ от угловой.

Зоя достала из ящика связку. Третий ключ, медный, с тёмным пятном окиси на бородке. Она сняла его с кольца и положила на стол, но не отпустила. Он ждал.

— Обед в двенадцать. Ужин в шесть. Процедуры по расписанию на доске в холле.

— Я надолго не задержусь.

Она отпустила ключ. Он взял его, и на секунду их пальцы оказались рядом — она заметила, что у него на запястье шрам, старый, белый, как трещина на льду. Потом он повернулся и вышел, и по коридору протопали его шаги — тяжёлые, уверенные.

Зоя смотрела на его спину через открытую дверь. Он шёл к угловой палате, не глядя на номера, и Зоя поняла: он знает этот санаторий лучше, чем она думает — и, возможно, лучше, чем она сама.

В регистратуре пахло остывшим чаем и таблетками валерианы. Света сидела за стойкой, подперев щеку ладонью, и грызла карандаш. Перед ней стоял стакан с тёмной жидкостью — чай заварили ещё утром, и теперь он стоял, как болотная вода.

— Так, — сказала Зоя, беря со стойки стопку бланков. — Кто такой Меньшов?

Света подняла бровь. Карандаш хрустнул — она откусила кусок дерева и сплюнула его в ладонь.

— Постоялец, — сказала она с расстановкой. — Ты его записала.

— Без направления.

— В не сезон это нормально.

Зоя положила бланки на место. Света смотрела на неё, и в её взгляде было что-то оценивающее — как будто она решала, сколько можно сказать.

— Он спрашивал про журнал, — сказала Зоя. — Про вырезанную страницу.

Света перестала жевать. Отложила карандаш. Взяла стакан с чаем, поднесла к губам, отпила — и поморщилась, как будто напиток был горьким.

— Меньшов, Меньшов, — проговорила она. — Нет, не помню.

— Он сказал, что ему нужна угловая палата. Восточное крыло.

— Угловая и есть угловая.

— Света.

Женщина поставила стакан. Посмотрела на дверь, потом на окно, потом снова на Зою — и в этом взгляде было что-то, от чего внутри у Зои стало холодно.

— Опять он спрашивал про прошлую зиму, — сказала Света тихо, почти себе. — Сегодня утром, до тебя. Пришёл к крыльцу, а я ещё даже дверь не открыла. Он стоял и смотрел на озеро через забор. Стоял и смотрел.

У Зои пересохло во рту. Она взяла со стойки ручку, повертела в пальцах, поставила обратно. Металл оставил на пальцах холодный след, и она вытерла ладонь о халат.

— Он не мог знать про прошлую зиму. Его не было.

— Бумага помнит сильнее, чем люди, — сказала Света. — А он, видимо, умеет читать.

Она потянулась к ящику стола, но не открыла его. Положила ладонь на крышку и замерла, как будто решала.

— Ты бы, Зоя, поменьше с ним разговаривала. Мало ли кто в не сезон ездит.

Зоя хотела спросить: «Почему ты говоришь это мне, а не Антону?» — но в этот момент дверь регистратуры открылась, и на пороге появился Никита. Он стоял, держа руки в карманах плаща, и смотрел прямо на журнал приездов, лежащий на стойке. Не на Зою. Не на Свету. На журнал.

Он смотрел так, как будто искал что-то. Конкретное. Острое.

— Ключ подошёл, — сказал он, не отводя взгляда от журнала. — Палата чистая. Спасибо.

— Обращайтесь, — сказала Света. Голос ровный, как скатерть.

Он не уходил. Стоял, смотрел на журнал. Потом перевёл взгляд на Зою — и она почувствовала, как её руки стали холодными.

— Вы что-то ищете, Зоя Макаровна?

Она не помнила, чтобы называла ему отчество. Наверное, услышал от Светы. Или от кого-то ещё. Но Света называла её просто Зоя, и это было неправильно.

— Нет, — сказала она. — Ничего.

Он кивнул, как будто это был ответ, которого он ждал, и вышел. Дверь закрылась. Тишина качнулась, как маятник.

Света взяла новый карандаш и продолжила грызть его с другого конца.

После обеда Зоя вернулась в процедурную и закрыла дверь на задвижку. Она не делала этого никогда — днём дверь всегда была открыта, для показательных процедур. Но сейчас ей нужно было подумать, и для этого требовалось, чтобы никто не зашёл со своим разговором.

Она села на стул у окна и посмотрела на озеро. Сквозь дождь оно было серым, как свинец, и вода стояла неподвижно, тяжёлая, как будто что-то лежало под ней и не давало волнам подняться. Прошлой зимой она видела, как на этом льду стояла фигура. Одна. Потом вторая. Потом фигуры ушли вместе, и утром пришёл Антон и сказал, что постоялец ушёл ночью и не вернулся.

Она не сказала тогда, что видела двоих. Она надеялась, что это была чужая игра. Она всё ещё надеялась.

Зоя открыла ящик стола. Журнал лежал на самом дне, под пачкой перевязочных бланков — она не убрала его после того, как записала Никиту. Она вытащила его и открыла на той странице, где расписался Меньшов.

Лист был чистый, свежий. А рядом — разрез. Тонкий, ровный, как будто его сделали лезвием. Она провела по краю пальцем — бумага была мягкой, чуть ворсистой. Страница была вырезана аккуратно, почти до корешка, и всё, что осталось, — это полоска бумаги с обрывком чернил с предыдущей записи. Буквы, смятые у самого края: «...ви...» и потом ничего.

Она смотрела на этот обрывок и понимала, что Антон забрал журнал не для порядка. Он вырезал страницу. Он спрятал что-то.

Она закрыла журнал и замерла, глядя на дождь. Дождь стучал по стеклу, ровный, монотонный, как счёт. За это выгоняют. Если она откроет журнал глубже, если попробует найти

то, что вырезано, — Антон узнает. Антон все узнаёт. Он знал, что она видела ту ночь, и не спросил, и не сказал, и это было хуже, чем если бы он кричал.

Руки дрожали. Она положила их на стол плашмя, повернув ладонями вниз, чтобы не видно было дрожи. Это не помогает.

Дверь задвижки скрипнула. Она повернула голову — кто-то стоял в коридоре, прислонившись плечом к косяку. Никита. Он смотрел на неё через щель между створками — глаза серые, пустые, как то озеро.

— Я бы не советовал вам туда смотреть, — сказал он тихо. — Туда. Вниз.

Она не поняла, что он имеет в виду: журнал или озеро. Он покачал головой и ушёл, и шаги его простучали по коридору, как капли по жести.

Зоя закрыла журнал и спрятала его в ящик. Потом открыла окно — совсем чуть-чуть, через щель потянуло сыростью и хвоей. Запах прошлой зимы.

Она закрыла окно и задвинула шпингалет до конца. Так надо. Работать. Дальше по плану. Но пальцы сами потянулись к ящику, и она отдернула руку, будто обожглась.

Она осталась сидеть, глядя на дождь, и в голове крутилось одно и то же: «...ви...». Три буквы. Половина слова. Она перебирала варианты: «видел», «виноват», «визы». Ничего не складывалось.

В дверь постучали — коротко, два раза. Зоя поднялась, одёрнула халат. Дверь была закрыта на задвижку, и она ждала, что Никита войдёт сам. Но он не вошёл. Стук повторился — настойчивее.

— Зоя Макаровна, — раздался голос Антона. — Откройте.

Она отодвинула задвижку. Антон стоял в коридоре, держа под мышкой папку с бумагами. Он был в том же сером пиджаке, что и всегда, и от него пахло табаком — крепким, дешёвым, тем, что он курил в кабинете, когда думал, что его никто не видит.

— Вы закрылись, — сказал он. Не вопрос. Утверждение.

— Проветривала.

— Дверь на задвижке — это не проветривание.

Он прошёл внутрь, не дожидаясь приглашения. Поставил папку на стол, открыл её, вытащил список процедур на следующую неделю. Зоя стояла у окна и смотрела, как он раскладывает бумаги, как поправляет край листа, как проводит пальцем по строчкам.

— Меньшов поселился, — сказал он. — Угловая, восточное крыло.

— Да.

— Без направления.

— Он сказал, что звонили из города.

Антон поднял голову. Глаза у него были тёмные, почти чёрные, и в них не читалось ничего. Он смотрел на неё так, как смотрел на журнал перед тем, как забрать его весной.

— Из города, — повторил он. — И ты его записала.

— Он сказал, что в не сезон это нормально.

— В не сезон это нормально. Но не для тебя.

Он закрыл папку и взял её под мышку. Направился к двери, но остановился на пороге.

— Зоя, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты помнишь, что было в прошлом году? С тем постояльцем?

Она молчала. Руки висели вдоль тела, и она сжимала и разжимала пальцы, считая до десяти.

— Я помню, — сказала она.

— Хорошо. Тогда ты понимаешь, почему я не хочу, чтобы ты разговаривала с Меньшовым. И почему не хочу, чтобы ты открывала журнал.

Он ушёл. Дверь закрылась за ним с мягким щелчком, и Зоя осталась одна. Она смотрела на папку, которую он оставил на столе, и в голове крутилось одно: он сказал «журнал». Он не мог знать, что она уже открыла его. Не мог.

Она подошла к столу и провела ладонью по обложке папки. Кожа была холодной, гладкой, и под пальцами она почувствовала что-то — неровность. Она перевернула папку. На задней стороне, в самом углу, был разрез. Тонкий, ровный, как будто его сделали лезвием.

Тот же разрез, что и в журнале.

Она открыла папку. Внутри лежали те же бумаги, что и всегда: списки, расписания, бланки. Но в самом низу, под всей стопкой, был конверт. Бумажный, без марки, без адреса. Она вытащила его и открыла.

Внутри была фотография. Чёрно-белая, старая, с загнутыми углами. На ней стояли двое: мужчина и женщина, на фоне озера. Лёд. Сосны. Она узнала место — это было «Хвойное», та сторона, где причал.

Женщина была ей незнакома. А мужчина — она провела пальцем по его лицу — был Никита. Моложе, без шрама на запястье, но это был он.

Она перевернула фотографию. На обратной стороне, карандашом, было написано: «Он вернулся. Не говори ей».

Зоя положила фотографию обратно в конверт и засунула его в папку. Руки дрожали, и она не могла их унять. Она закрыла папку, поставила её на край стола, поправила край. Потом снова открыла.

Она перевернула папку. Разрез был на месте. Она провела по нему пальцем — край был ровный, аккуратный, как будто его сделали не для того, чтобы спрятать, а для того, чтобы найти.

За окном дождь усилился. Стекла задрожали от порыва ветра, и по крыше простучали капли. Зоя стояла у стола, держась за край, и смотрела на озеро. Оно было серым, неподвижным, как вчера, как неделю назад, как прошлой зимой, когда она видела на льду две фигуры.

Она не знала, кто была та женщина на фотографии. Но она знала, что Никита вернулся не за палатой. Не за процедурами. Он вернулся за тем, что осталось подо льдом.

Она закрыла папку и поставила её на место. Потом подошла к окну, открыла его и задвинула шпингалет до конца. Так надо. Работать. Дальше по плану. Но пальцы сами потянулись к ящику, и она отдернула руку, будто обожглась.

Она села на стул и положила руки на стол ладонями вверх. Дрожь не проходила. Она смотрела на свои пальцы и считала до десяти, до двадцати, до тридцати. Потом встала, подошла к двери и закрыла её на задвижку.

Она открыла ящик. Журнал лежал на самом дне, под пачкой бланков. Она вытащила его и открыла на той странице, где расписался Меньшов. Разрез был на месте. Она провела пальцем по краю, потом перевернула журнал и посмотрела на корешок. Там, где были вырезаны страницы, бумага была плотнее, и она нажала на неё пальцем.

Что-то хрустнуло. Она разжала пальцы и увидела, что между страницами, в самом корешке, лежит тонкий лист. Почти прозрачный, как папиросная бумага. Она вытащила его и развернула.

На листе было написано от руки: «Он не ушёл. Его увели. Я видела, как они шли по льду».

Она перевернула лист. На обратной стороне, тем же почерком, но более торопливо: «Если это найдёт Зоя — пусть молчит. Если найдёт Антон — пусть простит».

Она не узнала почерк. Но она узнала бумагу — такую же, как в журнале, с водяными знаками «Хвойного». Она сложила лист и спрятала его в карман халата. Потом закрыла журнал и убрала его в ящик.

Она подошла к окну и открыла его. Дождь стучал по стеклу, и ветер тянул с озера — холодный, сырой, с запахом тины и мокрых сосен. Она смотрела на озеро и думала о том, что написано на листе: «Он не ушёл. Его увели».

Она не знала, кто это написал. Но она знала, что Никита вернулся не за палатой. Не за процедурами. Он вернулся за тем, что осталось подо льдом.

Она закрыла окно и задвинула шпингалет до конца. Внутри, в кармане халата, лежал сложенный лист, и она чувствовала его тепло через ткань. Она не знала, что будет делать с этим. Но она знала, что не сможет молчать.

За окном дождь усилился. По крыше простучали капли, и где-то вдалеке, за озером, раздался глухой удар — как будто лёд треснул. Зоя стояла у окна, прижав ладонь к карману, и смотрела на серую воду.

— Зоя Макаровна, — раздалось из-за двери.

Она обернулась. Дверь была закрыта на задвижку, но сквозь щель она увидела Никиту. Он стоял в коридоре, держа руки в карманах плаща, и смотрел на неё через щель.

— Я не советовал бы вам это хранить, — сказал он тихо. — Это не ваше дело.

Она не ответила. Он постоял ещё секунду, потом развернулся и ушёл. Шаги его простучали по коридору, и Зоя осталась одна, держась за край стола.

Она не знала, как он узнал. Но она знала, что больше не сможет спрятать это. Она вытащила лист из кармана, развернула его и перечитала: «Он не ушёл. Его увели».

Она смотрела на эти слова, и в голове крутилось одно: кто написал это? И почему Антон вырезал страницу?

Она спрятала лист обратно в карман и закрыла окно. Дождь стучал по стеклу, и она считала удары, как считала их прошлой зимой, когда стояла у этого же окна и смотрела, как две фигуры идут по льду.

Она не знала, кто была та женщина. Но она знала, что Никита вернулся не за палатой. Не за процедурами. Он вернулся за тем, что осталось подо льдом.

Она закрыла окно и задвинула шОна стояла у окна, пока дождь не перестал. Вода стекала по стеклу тонкими дорожками, и за ними сосны проступали яснее — мокрые, тёмные, с обвисшими лапами. Ветер стих. Озеро лежало ровное, серое, и от него поднимался пар.

Она вытащила лист из кармана и развернула его снова. «Он не ушёл. Его увели». Почерк был торопливый, с наклоном влево — так пишут люди, которые привыкли скрывать, а не объяснять. Она поднесла лист к окну, к свету, и увидела, что под основным текстом, почти стёртый, есть ещё один. Карандаш, светлый, едва различимый: «Спроси у Толи».

Она сложила лист и спрятала его обратно. Толя. Старик из подсобки, который называл ночных гостей «хвойниками». Он знал больше, чем говорил, и говорил меньше, чем знал.

Зоя вышла в коридор. Здесь пахло хлоркой и мокрой штукатуркой, и лампы гудели ровно, как всегда. Она прошла мимо двери регистратуры, где Света грызла новый карандаш, и свернула в подсобку в конце коридора.

Дверь была приоткрыта. Внутри горела тусклая лампочка, и пахло машинным маслом и старым деревом. Толя сидел на перевёрнутом ящике, чинил ручку швабры. Он поднял голову, когда она вошла, и его глаза — выцветшие, водянистые — сузились.

— Зоя, — сказал он. Не спросил, что она тут делает. Он знал, что она придёт.

— Толя, — она закрыла дверь за собой. — Ты помнишь прошлую зиму?

Он отложил швабру. Положил руки на колени, сцепил пальцы.

— Какую именно.

— Ту, когда постоялец ушёл ночью и не вернулся.

Он молчал. Смотрел на свои руки, на ссадины на костяшках, на ногти с чёрными ободками.

— Все уходят, — сказал он наконец. — В не сезон все уходят.

— Его увели, Толя. Я знаю.

Он поднял голову. Взгляд его стал другим — жёстче, старше, как будто он смотрел сквозь неё.

— Кто тебе сказал?

— Никто. Я нашла.

Он кивнул, не ей, а своим мыслям. Потом встал, подошёл к стеллажу, где стояли банки с краской, и задвинул руку за одну из них. Достал конверт — такой же бумажный, без марки, как тот, что лежал в папке Антона.

— Это не моё, — сказал он. — Это оставили для тебя. Сказали, отдать, когда спросишь.

Она взяла конверт. Он был лёгкий, почти пустой. Она открыла его и вытащила один лист — такой же тонкий, как тот, что лежал у неё в кармане.

На нём было написано: «Он не ушёл. Его увели. Я видела, как они шли по льду. Толя помогал им нести вещи. Антон ждал у причала».

Она перечитала это трижды. Потом посмотрела на Толю. Он стоял у стеллажа, сцепив руки за спиной, и смотрел в пол.

— Ты помогал, — сказала она. Не вопрос. Утверждение.

— Я не знал, что его увели, — сказал он. — Я думал, он уходит сам. Они сказали, что он уходит сам.

— Кто «они»?

Он не ответил. Подошёл к ящику, сел, взял швабру и снова принялся чинить её. Руки у него дрожали.

— Толя.

— Не спрашивай, Зоя. Мне сказали не спрашивать, и я не спрашивал. И тебе не советую.

Она смотрела на него. Он не поднимал головы. Она спрятала лист в карман, повернулась и вышла.

В коридоре было тихо. Она прошла мимо регистратуры, где Света смотрела на неё, не отрываясь, и свернула к лестнице. Поднялась на второй этаж, прошла по коридору мимо палат, мимо процедурного кабинета, мимо комнаты, где хранились ключи.

Она остановилась перед дверью угловой палаты. Восточное крыло. Третья дверь. Она подняла руку, чтобы постучать, но не успела — дверь открылась сама.

Никита стоял на пороге. Он был в той же одежде, что и утром, но без плаща. Рубашка серая, мокрая у ворота — он, видимо, выходил под дождь. Он смотрел на неё, и в его взгляде не было удивления.

— Вы пришли, — сказал он.

— Вы знали, что я приду.

— Знал.

Он отступил в сторону, пропуская её. Она вошла. В палате было чисто, пахло краской и сыростью. Окно было открыто, и ветер тянул с озера, шевелил занавеску.

Она села на стул у стола. Он остался стоять у окна, глядя на озеро.

— Вы ищете кого-то, — сказала она. — Кто это был?

Он не обернулся. Смотрел на воду.

— Мой брат.

Зоя молчала. Он повернулся к ней.

— Он приехал сюда в ноябре. Сказал, что ему нужно отдохнуть. Через три дня он перестал отвечать на звонки. Я приехал, но мне сказали, что он ушёл ночью. Сам. Без вещей.

Он подошёл к столу и сел напротив неё. Вблизи она увидела, что глаза у него красные, с тёмными кругами, и что на скуле — свежий порез, как будто он брился наспех.

— Я не верю, что он ушёл сам, — сказал он. — Он оставил ключи. От машины, от квартиры, от всего. Человек, который уходит сам, не оставляет ключи.

Она смотрела на него. В кармане халата лежали два листа, и она чувствовала их вес через ткань.

— Что вы знаете? — спросил он.

— Я не знаю. Я нашла записку.

— Покажите.

Она вытащила лист из кармана и положила на стол. Он развернул его, прочитал, потом перечитал снова. Пальцы его легли на край листа, и она увидела, как они дрогнули.

— Это почерк брата, — сказал он. — Я узнаю его. Он писал так, когда торопился.

Он поднял на неё глаза.

— «Спроси у Толи». Вы спросили?

— Да. Он отдал мне это.

Она положила второй лист на стол. Он прочитал его, и лицо его изменилось — стало жёстче, старше, как будто он за одну секунду постарел на десять лет.

— Антон, — сказал он. — Заведующий.

— Да.

Он встал. Подошёл к окну, взялся за подоконник обеими руками. Спина у него была напряжённая, и она видела, как под рубашкой ходят лопатки.

— Я приехал сюда три недели назад, — сказал он. — Снял комнату в посёлке. Ходил к озеру, смотрел на лёд. Ждал. Я не знал, что Антон замешан.

Он повернулся к ней.

— Вы поможете мне?

Она молчала. В голове крутилось одно: «Если она откроет журнал глубже, если попробует найти то, что вырезано, — Антон узнает». Она смотрела на Никиту, на его руки, которые лежали на подоконнике, и думала о том, что он ей сказал: «Он вернулся за тем, что осталось подо льдом».

— Я не знаю, — сказала она. — Я не знаю, что я могу сделать.

— Вы можете открыть журнал. Там есть записи. Антон вырезал страницы, но не все. Он мог пропустить что-то.

Она поджала губы.

— Вы просите меня украсть журнал.

— Я прошу вас посмотреть в него. Это не одно и то же.

— Для Антона — одно и то же.

Он смотрел на неё, не отводя глаз.

— Тогда не открывайте. Просто скажите мне, где он его держит.

Она молчала. В кармане халата лежали два листа, и она чувствовала их вес через ткань. Она не знала, что будет делать с этим. Но она знала, что не сможет молчать.

— В его кабинете, — сказала она. — В нижнем ящике стола. Под папкой с отчётами.

Он кивнул. Подошёл к двери, открыл её.

— Спасибо, Зоя Макаровна.

— Подождите.

Он остановился. Она вытащила лист из кармана и положила на стол.

— Возьмите. Это его почерк. Вы должны знать.

Он взял лист, сложил его и спрятал в карман. Потом вышел, и дверь закрылась за ним с мягким щелчком.

Зоя осталась одна в палате. Она смотрела на озеро через открытое окно и думала о том, что написано на листе: «Он не ушёл. Его увели». Она не знала, кто была та женщина на фотографии. Но она знала, что Никита вернулся не за палатой. Не за процедурами. Он вернулся за тем, что осталось подо льдом.

Укол

Света грызла карандаш, и крошки дерева ложились на карту приездов. На столе остывал чай — плёнка уже затянула поверхность, серая, как озеро за окном.

Зоя села на стул у стены. Спинка была холодной, краска облупилась. Она провела пальцем по шву халата и поймала себя на том, что считает стежки. Один. Два. Три.

— Света, — сказала она. — Какой номер был у записи в журнале?

Света не подняла головы. Карандаш хрустнул — она перекусила его почти пополам. Щепка прилипла к нижней губе, и она смахнула её тыльной стороной ладони.

— Ты про какую запись?

— Про ту, которой нет.

Света поджала губы. Пальцы её сжались на обломке карандаша, и она положила его на стол, рядом с чашкой. Чай качнулся, плёнка лопнула. По поверхности пошли круги — маленькие, частые. Зоя смотрела, как они гаснут.

— Зоя, не надо.

— Она была. Я помню.

— Ты много чего помнишь. — Света взяла чашку, поднесла к губам, но не отпила. — Ты помнишь, что у меня поясница болит каждый вечер? Помнишь, что зимой без шапки нельзя в кочегарку ходить? Помнишь, как у Петровны из четвёртой палаты сын приезжал и привозил ей те самые конфеты, что она любит, а она их не ела, потому что говорила, что уже не те времена?

Зоя ждала. Света поставила чашку обратно. Плёнка снова начала затягиваться — тонкая, серая.

— Бумага помнит сильнее, чем люди, — сказала она. — Но не тогда, когда её режут.

Зоя наклонилась вперёд. Ладони легли на край стола, и под пальцами был пластик, тёплый от лампы. Тёплый — и всё же по позвоночнику прошло что-то, от чего она выпрямилась.

— Ножницами?

— Лезвием.

Света сжала губы — слово вырвалось само, будто против её воли. Она тут же отвернулась к окну, но там только дождь — серый, ровный, как стена. Зоя видела, как желвак на скуле Светы дёрнулся. Раз. Другой.

— Ты видела след?

— Я видела кромку. — Света понизила голос. — Ровную такую. Бумага порезана, а не разорвана. Аккуратно так, лезвием. Кто-то очень не хотел, чтобы имя осталось.

— И ты не спросила, чьё?

Света посмотрела на неё. Взгляд был липкий, как мокрая штукатурка. Зоя отвела глаза первой — не выдержала.

— Я знала, чьё. Только не поняла, зачем. Он ничем не отличался от других. Приехал, записался, ушёл в палату. — Она сделала паузу, длинную, и в этой паузе Зоя услышала, как за стеной капает кран. Кап. Кап. Кап. — И больше не вышел.

Зоя замерла. Пальцы на пластике стали белыми. Кран за стеной продолжал капать, и каждый звук отдавался где-то под рёбрами.

— Не вышел из палаты?

— Вышел. — Света взяла карандаш, повертела его, положила. — Вышел, но не из санатория. Его вынесли. Я видела, как дверь открылась и его несли. Двое. Я думала, пьяный.

— Ты думала, пьяный?

— А что мне было думать? Зоя, я не спрашиваю. Я здесь работаю. Я вижу, но не спрашиваю.

Зоя хотела спросить, кто нёс. Хотела спросить, был ли среди них Антон. Но слова застряли — где-то в горле, тёплым комом, который не проходил. Она вспомнила конверт от Толи, вспомнила, что там написано — «Антон ждал у причала». И этот ком стал больше.

— У тебя есть копия? — спросила Зоя.

Света не ответила. Она смотрела на дверь, и пальцы её снова нащупали карандаш. Обломок был короткий, и она вертела его, как вертят спичку, — туда-сюда, туда-сюда.

— У тебя есть копия, — повторила Зоя. — Я знаю, ты снимаешь. Я видела у тебя в столе плёнку.

Это была не правда. Зоя не видела никакой плёнки. Но Света дёрнулась — плечом, коротко, как от удара — и Зоя поняла, что попала.

— Не надо про это, — сказала Света.

— Надо. Мне надо знать, что там было. Его имя. Дата. Комната.

Света долго молчала. Дождь за окном усилился — вода бежала по стеклу, и в ней отражался свет лампы. Зоя смотрела, как капли встречаются, сливаются, текут вниз. Потом Света открыла нижний ящик стола. Там, под пачкой старых направлений, лежал конверт. Она вытащила его, но не открыла. Посмотрела на Зою — и в этом взгляде было что-то, от чего Зоя перестала дышать.

— Я покажу, если ты скажешь, зачем тебе.

Зоя сглотнула. Она не могла сказать правду. Она и сама не знала, зачем ей это. Знала только, что не может остановиться. Что-то тянуло её вперёд — как тянет к обрыву, когда стоишь на краю и знаешь, что надо отойти, но ноги не слушаются.

— Он вернулся, — сказала Зоя. — Постоялец, которого вырезали. Он сел в угловую палату.

Света побелела. Конверт в её руке дрогнул — бумага шелестнула, сухо, как осенний лист.

— Не может быть.

— Может. Я сама его записала.

Света посмотрела на конверт, потом на Зою. Потом на дверь. Потом снова на конверт. Зоя видела, как она считает — что-то своё, внутреннее. Пальцы её гладили край конверта, и это было похоже на то, как гладят старую рану — осторожно, привычно.

— Запись вырезали лезвием, — сказала она медленно. — Но я её помню. Я все помню. Зоя, у меня память на имена как у собаки на запах. Меньшов. Никита Меньшов. Приехал восемнадцатого октября. Комната двенадцать.

— Двенадцать — это угловая.

— Да. И выписался он не сам. Его вынесли.

Света протянула конверт. Зоя взяла его, но Света не отпустила. Они подержали его вместе — бумага была тёплая от Светиных пальцев, и Зоя чувствовала, как дрожит Светина рука. Мелко, едва заметно.

— Я не могу показать копию, — сказала Света. — Он узнает.

— Кто?

— Тот, кто резал.

Зоя потянула конверт. Света отпустила, но в глазах её было такое, что Зоя пожалела, что спросила. Пожалела — и не отвела взгляда.

— Спасибо, — сказала Зоя.

— Не надо меня благодарить. — Света взяла чашку, поднесла к губам, отпила. Поморщилась — чай был холодный. — Лучше скажи, что ты будешь делать.

Зоя не ответила. Она положила конверт в карман халата, рядом с пустым местом, где раньше лежали записки, и только через минуту поняла, что пальцы её всё ещё сжаты — она держала воздух. Отпустила. Конверт лёг тяжело, как будто внутри был не лист, а камень.

В регистратуре было тихо. Только чай остывал на столе, и плёнка снова затянулась, серая, как озеро за окном. Света сидела неподвижно, и в полумраке лицо её казалось чужим. Зоя остановилась в дверях.

— Ты ещё здесь? — спросила Света.

— Света, а что было в той записи? Кроме имени и комнаты?

Света посмотрела на неё долгим взглядом. Взгляд этот был тёплым — и ледяным одновременно. Зоя не выдержала и перевела глаза на карту приездов.

— Не помню, — сказала Света.

— Врёшь.

— Зоя. — Света встала и подошла к ней. Ближе, чем нужно. Зоя чувствовала запах её духов — дешёвых, сладких, приторных. — Я помню, что была графа «диагноз». И что в ней было написано что-то такое, от чего я не спала две ночи. Но я не хочу это повторять. И тебе не советую.

— Мне нужно знать.

— Зачем?

— Затем, что я не понимаю, что происходит. Запись вырезали. Мужчина вернулся под другим именем. Мне платят пять тысяч за укол. Я должна понимать.

Света покачала головой. Зоя видела, как она сжала пальцы — так, что побелели костяшки. Потом разжала. Потом сжала снова.

— Понимание — это роскошь, — сказала она. — Ты знаешь, сколько здесь таких записей за годы? Я видела вещи, Зоя. Я видела, как зимой из кочегарки выносили людей в ватниках, и никто не спрашивал. Потому что спросишь — и тебя тоже вынесут.

— Ты боишься.

— Я работаю. — Света поправила халат. — Это разные вещи.

Зоя вышла в коридор. Дождь стучал по стеклу, и лампы гудели ровно. Она шла, и шаги её гулко отдавались в пустоте. Она думала о том, что Света сказала про лезвие, и о том, как Света держала конверт — так, будто он мог укусить.

У окна она остановилась. За стеклом озеро лежало серое, тяжёлое. Пар поднимался после дождя, и в этом пару что-то двигалось — или ей казалось. Она прижалась лбом к стеклу, и холод прошёл сквозь кожу — до костей.

Она провела пальцем по стеклу, и холодок пробежал по коже. На стекле осела влага. Она машинально нарисовала круг, как делала всегда, когда думала, — и тут же стёрла его, потому что круг напомнил ей пузырёк с физраствором.

В кармане лежал конверт. Она вытащила его, посмотрела на него. Он был белый, обычный, без марки. На нём не было ничего, кроме её имени, написанного карандашом. Она повертела его в руках. Лёгкий. Почти пустой. Но весил так, будто внутри был свинец.

Она открыла его.

Внутри был лист бумаги. Один. Сложенный вчетверо. Она развернула его, и бумага была холодной, как будто её держали в холодильнике.

Это была копия записи из журнала. Она узнала почерк Светы — круглый, убористый. Буквы были мелкие, но чёткие, и от них пахло старой бумагой и пылью.

«Меньшов Никита Сергеевич. 18.10. Комната 12. Диагноз: состояние после остановки сердца. Реанимация не проводилась. Выписан 21.10.»

Зоя перечитала. Остановка сердца. Реанимация не проводилась. Выписан.

Выписан.

Она повернула лист. На обороте было что-то ещё — приписка, сделанная другим почерком. Мелким, бледным. Буквы были почти стёрты, и ей пришлось поднести лист к лампе, чтобы разобрать.

«Пульс зафиксирован в 14:30. В 14:32 констатируется смерть. В 15:00 постоялец самостоятельно покинул палату.»

Зоя перечитала. Потом ещё раз. Потом ещё.

Бумага была холодная, и буквы расплывались перед глазами. Она моргнула. Буквы не стали чётче. Она перечитала ещё раз — медленно, по слогам. «Самостоятельно покинул палату». Через двадцать восемь минут после смерти.

Она сложила лист и сунула обратно в конверт. Пальцы не слушались — дрожали, и конверт не попадал в карман. Она прижала его к груди, как прижимают что-то ценное, и стояла так, пока дыхание не выровнялось.

— Зоя Макаровна?

Она обернулась. Никита стоял в конце коридора. Он был в том же сером халате, что и утром, и свет лампы падал на него так, что лицо его казалось вырезанным из камня.

— Вы потеряли.

Она посмотрела на него. Он не приближался.

— Я видел, как из регистратуры вышла женщина. Она была бледная, как бумага. — Он сделал шаг. — Это вы?

Она ничего не сказала. Пальцы её сжались на конверте — так, что бумага хрустнула.

— Вы нашли что-то, — сказал он. — Я вижу.

— Я нашла только то, что уже было.

Он подошёл ближе. В руке у него была банка с физраствором. Он держал её так, как держат книгу — бережно, двумя руками. Зоя смотрела на его пальцы — длинные, спокойные. Они не дрожали.

— Зоя Макаровна, — сказал он. — Я могу вам помочь.

— Мне не нужна помощь.

— Мне кажется, нужна.

Он посмотрел на её карман. Она почувствовала, как конверт жётся там, — и поняла, что он знает о нём. Он знает, что она знает. И это знание было хуже, чем незнание.

— Вы хотите знать, что со мной было, — сказал он. — Я могу рассказать.

— Я не спрашивала.

— Вы спрашивали. — Он улыбнулся, но глаза остались холодными. — Не словами. Но спрашивали. Вопросы у вас на лице, Зоя Макаровна. Вы не умеете их прятать.

Она сжала губы. Во рту было сухо, и она не могла сглотнуть.

— Пойдёмте, — сказал он. — Я покажу вам кое-что.

— Я не пойду с вами.

— Зоя Макаровна, — он наклонил голову. — Я не приглашаю. Я прошу.

Она смотрела на него. Он стоял спокойно, и в руке его банка с физраствором была неподвижна. Ни капли. Ни движения. Как будто он не дышал.

— Я не пойду, — повторила она.

Он кивнул. Развернулся и пошёл по коридору. Его шаги были ровные, спокойные. Она смотрела ему вслед, и воздух после него остался другой — плотнее, холоднее. Она стояла, пока шаги не стихли, и только тогда поняла, что всё это время не дышала.

Она пошла в процедурную. Дверь была приоткрыта. Она толкнула её и вошла.

Там пахло хлоркой и мокрой штукатуркой. Она включила лампу, и свет упал на банку с ватными шариками. На краю стола стояла стеклянная банка, и в ней отражалось окно.

Она села на стул, и стул качнулся под ней. Вытащила конверт — пальцы не слушались. Посмотрела на него, и вдруг поняла, что не хочет открывать: пока она не знает, ещё можно притвориться, что ничего нет. Можно сделать вид, что запись вырезали по ошибке. Что Меньшов — просто имя. Что Антон — просто имя.

Она закрыла глаза. Она вспомнила, как он смотрел на неё в коридоре. Как держал банку с физраствором. Как сказал: «Вы не умеете их прятать».

Она сунула конверт обратно в карман. Потом вытащила. Потом снова сунула.

Она ненавидела себя за эту дрожь в пальцах. За то, что не может просто открыть. За то, что даже эта бумага — копия, снятая Светой тайком, — кажется ей чем-то опасным, живым.

Она открыла его.

Внутри был лист бумаги. Один. Сложенный вчетверо. Она развернула его, и бумага была холодной.

Она читала это уже не в первый раз. Но сейчас буквы были чётче. И приписка на обороте была чётче. Она перевернула лист. На обороте было ещё что-то. Она не заметила этого раньше — внизу, мелким почерком, почти стёртым.

«Причина смерти: остановка сердца. Тело не обнаружено.»

Тело не обнаружено.

Она перечитала. Потом ещё раз. Потом ещё.

Она перечитывала эти слова, но они не складывались в понятный смысл. Тело не обнаружено. Но запись о смерти была. И запись о выписке была. И она сама видела, как он стоял в коридоре — живой, тёплый, с банкой физраствора в руках.

Она встала. У окна остановилась. За стеклом озеро лежало чёрное, тяжёлое. Дождь стучал по стеклу, и в темноте озеро было чёрным, как уголь.

Она услышала шаги в коридоре. Они были ровные, спокойные. Она замерла.

Шаги остановились у её двери.

Она не дышала.

Дверь была приоткрыта. Та самая, из которой она только что вышла. Она помнила, что закрывала её. Она закрывала её точно, потому что привыкла.

Дверь была приоткрыта. В щели было темно. Но она видела, что с той стороны кто-то стоял.

Не слышно было дыхания. Не слышно было шагов. Но воздух там, в щели, был другой. Тёплый. Как будто человек стоял давно.

Зоя замерла.

Дверь начала открываться. Медленно. Бесшумно.

Она отступила на шаг. Пальцы её сжались на краю стола. Банка с физраствором покачнулась и упала. Она не услышала, как она разбилась.

Дверь открылась.

В проёме стоял Никита.

Впечатление

— У вас гости, — сказал Никита, и Зоя почувствовала, как стекло входит в ладонь.

Она не вскрикнула. Только сжала пальцы сильнее, и край осколка прошёл глубже, до боли, до белого звона в локте. Лучше это, чем смотреть на него.

— Никого не было.

Она поднялась, отряхнула руки. Кровь выступила на пальце, тонкая линия, и она спрятала руку в карман халата. Там, под подкладкой, лежал конверт. Бумага хрустнула, когда она сжала её.

— Я видел, как вы вышли из регистратуры, — сказал Никита. Он шагнул внутрь, но не закрыл дверь. Встал у стола, положил ладонь на край. — Вы были бледная.

— Все бледные, когда работают.

— Вы держали конверт. Он у вас в кармане сейчас.

Зоя вынула руку из кармана. Пустую. Положила её на стол ладонью вверх. Кровь на пальце запеклась — тёмная, как чернила.

— У меня тут нет ничего. Процедурная. Стерильно. Видите?

Она обвела рукой комнату. Банка с физраствором разбилась, осколки блестели в свете лампы. Жидкость растекалась по трещинам линолеума, медленно, не торопясь. Она смотрела на неё, а не на него.

— Вы смотрели мой график? — спросила она. Голос сел, и она повторила. — Вы его трогали?

— Я искал вас. Ждал. У вас было пять минут, чтобы выйти и поговорить. Вы не вышли.

— У меня работа.

— Это я понимаю. — Он наклонил голову. — Я не понимаю, почему вы прячете конверт в карман халата. Медсестра. Халат с карманами. Вы кладёте туда шприцы, вату, ампулы. Не конверты.

Зоя повернулась к раковине. Открыла кран. Вода потекла, холодная, и она подставила ладонь. Кровь смылась, утекла в слив розовыми кругами. Она смотрела на воду, на свою руку, на осколки на полу. Она не хотела поворачиваться. Она знала, что он стоит там же. Не ушёл.

— Зачем вы здесь? — спросила она, не оборачиваясь. — Вы не больны. Я видела вашу карту. Лёгкое сотрясение, ссадины. Не тот случай, когда нужен «Хвойник».

— Вы же сами выписали меня из журнала.

Она выключила кран. Вода перестала течь, и в тишине было слышно, как дождь стучит по стеклу. Она обернулась. Вытерла руки о халат. Полотенца не было. Оно висело на крючке у двери, за его спиной.

— Я записала вас на осмотр. Это моя работа.

— И вырезали меня из журнала.

Он сказал это спокойно. Как будто говорил о погоде. Зоя открыла рот, чтобы ответить, и почувствовала, как губы сжались. Она отвернулась, взяла со стола ручку, повертела в пальцах. Пластик тёплый, гладкий. Она поставила её на стол и посмотрела на осколки. Надо было собрать их. Надо было сделать так, чтобы он ушёл.

— Я не вырезала вас. Я работала день, потом была ночь. У меня нет доступа к журналу. Он лежит в регистратуре. Если там что-то случилось, это вопрос к Свете.

— Я говорил со Светой. Она сказала, что вы брали журнал.

Света. Она не ожидала, что Света скажет такое. Или ожидала. Света говорила с расстановкой и любила афоризмы. «Бумага помнит сильнее, чем люди». Зоя всегда думала, что Света имеет в виду что-то другое. Теперь она поняла. Света помнила всё. И она сказала Никите.

— Я брала журнал, — сказала Зоя. — Чтобы проверить запись о вашем брате. Вы сами сказали, что он здесь был. Я хотела убедиться.

— И что вы увидели?

Она смотрела на него. Он стоял неподвижно, глаза всё ещё открыты. Не щурился, не отводил взгляд. Ждал. И она знала: если скажет «ничего», он не поверит. Если скажет «запись вырезана», он спросит, кто.

Она открыла рот. Хотела сказать: «Там была запись. Выписан двадцать первого октября. Причина смерти — остановка сердца. Тело не обнаружено». Хотела сказать: «Ваш брат не ушёл. Его увели. Я видела, как его вели к озеру». Хотела сказать: «Вам надо уехать, пока он не узнал, что вы вернулись».

Она открыла рот. И увидела перед собой конверт. Не тот, что в кармане, а другой, который она держала вчера, — от Толи. В нём была записка: «Антон ждал у причала». И там были деньги. Она их не пересчитала. Она знала, сколько их примерно. Она знала, для чего они. Мать. Палата. Лекарства, которые не продают по рецепту.

Она закрыла рот.

— Ничего, — сказала она. Голос был ровный. — Я ничего не увидела. Запись есть, но она неполная. Диагноз. Дата. Всё.

Она опустила глаза. Взяла со стола стакан с карандашами. Пальцы дрожали, и она сжала их, чтобы он не заметил.

— У вас разбита банка, — сказал он. — Я слышал, как она упала. Звонкий звук.

— Я не бросала.

— Она упала, когда вы взяли конверт? — Он сделал шаг к столу. Ближе. Она почувствовала запах мокрой шерсти. Он стоял под дождём. Ждал, когда она выйдет. — Вы взяли конверт, спрятали в карман, и банка упала.

— Вы слышали, как она упала. Это всё. Вы не слышали, что я что-то прятала. Потому что я ничего не прятала.

Он подошёл ближе. Теперь он был у стола, рядом с ней. Она почувствовала, как его рука коснулась края стола. Он не дотрагивался до неё, но она знала, что он рядом. Она не могла отойти, не наступив на осколки.

— Вы видели ту ночь, — сказал он. — Я знаю. Вы видели, как мой брат шёл к озеру.

— Я не знаю, о чём вы говорите.

Он наклонился. Его лицо было близко. Она видела морщинки у его глаз, щетину на щеках. Он не брился со вчерашнего вечера. Она видела, как его зрачки сжимаются, когда она говорит. Он смотрел на её губы. Ждал, когда они сожмутся.

— Вы знаете, — сказал он тихо. — Вы знаете, что ему заплатили. Что ваш директор вырезал меня из журнала. Что вы подписали акт о несчастном случае.

Зоя молчала. Она смотрела на осколки у своих ног. Один был крупный, с краем, как лезвие. Она могла наступить на него. Могла поскользнуться. Могла упасть.

— Я подписала акт, потому что это была правда. Он ушёл на лёд ночью. Лёд не выдержал. Он утонул. Никто не вёл его.

— Вы лжёте. — Голос плоский, без интонации. — Вы лжёте, и вы знаете, что лжёте. Ваши губы.

Она поджала губы. Он улыбнулся. Неласково. Только угол рта дёрнулся.

— Вот. Смотрите. Вы делаете это, когда врёте. Вы поджимаете губы. Вы не злитесь. Вы боитесь.

Она отвернулась. Нагнулась за осколками. Руки должны были быть заняты. Она собрала три крупных куса, положила на стол. Жидкость растекалась по полу, блестела под светом. Она взяла тряпку, намочила под краном. Не смотрела на него.

— Вы придёте к Антону, — сказал Никита. — Вы придёте к нему и скажете, что я здесь. И он сделает с вами то же, что сделал с моим братом.

— Я не пойду к нему.

— Пойдёте. Потому что вы боитесь, что он узнает, что я говорил с вами. Что вы взяли конверт.

Она повернулась. Держала тряпку в руках, и вода капала на пол. Лицо белое, холодное. Сухие губы.

— У меня нет конверта.

— Ваш карман.

Он указал на её халат. Она посмотрела вниз. Угол конверта торчал из кармана. Белый, плотный, заметный. Она видела его. Он видел его. Она поджала губы сильнее. Не могла скрыть.

Он стоял перед ней. Ждал. Не ответа. Решения.

Зоя вынула конверт. Бумага тёплая, шершавая. Она положила его на стол, между ними. Он смотрел на него, потом на неё.

— Это не моё. Ошибка. Перепутали.

— Откройте.

Она не открыла. Стояла, положив ладонь на конверт, как будто хотела спрятать его под кожей. Чувствовала вес денег. Тяжёлый. Плотный. Они пахли типографской краской.

— Это от вашего директора, — сказал Никита. — Он платит вам за то, что вы молчите. Я знаю, сколько. Я знаю, за что.

— Вы ничего не знаете.

— Я знаю, что мой брат не умер. Я знаю, что он был в этой палате. Я знаю, что у него была остановка сердца, а потом пульс зафиксировали снова. В четырнадцать тридцать две он был жив. В пятнадцать ноль-ноль он уже был мёртв, и тело не обнаружено.

Зоя смотрела на него. В комнате было тихо. Только дождь стучал по стеклу, и вода капала с тряпки на пол.

— Откуда вы это знаете?

— У меня есть копия. Запись. С припиской.

Она сглотнула. Копия. Та же копия, что Света дала ей. Лежала в её сумке, свёрнутая, как папирус. Она не хотела, чтобы он знал, что она тоже её видела.

— Вы не должны были видеть её. Это внутренний документ.

— Я видел её. — Он не отводил взгляд. — И я знаю, что вы видели её тоже. Света сказала, что дала вам копию до того, как я успел попросить.

Света. Опять Света. Зоя не знала, злиться ей или благодарить. Она сжала конверт, и бумага помялась под пальцами.

— Я не знаю, что она вам сказала. Мой совет вам — уехать. Завтра автобус. До города. Забудьте это место.

— Я не забуду. Я пришёл сюда, чтобы найти правду. И я найду её. Вопрос только — поможете ли вы мне или будете продолжать поджимать губы.

Она почувствовала, как губы сжались. Он кивнул.

— Вот. Видите. Вы не можете перестать.

— Это не потому, что я боюсь. Это потому, что вы меня злите.

— Вы боитесь, что я скажу Антону, что вы разговаривали со мной? Что вы взяли конверт? Что вы взяли копию?

Она молчала.

— Вы не должны бояться меня. Вы должны бояться его. Он тот, кто вырезает страницы из журналов. Он тот, кто платит за молчание. Я просто ищу своего брата.

Зоя хотела сказать ему правду. Слова были готовы. Про ту ночь. Про то, как она видела, как его брата вели к озеру. Про то, как она стояла у окна и смотрела, как они идут по снегу.

Про то, как она не окликнула их. Не позвала. Она думала, что это чужая игра. Она думала, что так надо.

Она открыла рот. И увидела мать. Худую, с серым лицом, в больничной палате. Услышала, как та зовёт её по ночам. Увидела счёт за палату. Увидела конверт с деньгами, который сжала в руке.

Она закрыла рот.

Она не могла сказать. Если скажет, он пойдёт к Антону. Антон уволит её. Заберёт комнату. Заберёт деньги. Мать останется одна.

Никита смотрел на неё. Видел, как она открыла рот. Видел, как закрыла. Видел, как сжала губы. Покачал головой.

— Вы знаете. И вы не говорите.

Она отвернулась. В глазах щипало, но она не дала слезе упасть. Губы побелели.

— Вы не можете заставить меня.

— Я не хочу вас заставлять. Я хочу, чтобы вы выбрали сами.

Он вынул из кармана мобильный. Старый, с треснувшим экраном. Показал фотографию. Она не разглядела. Он приблизил к ней, и она увидела. Мужчина. Средних лет. Рука сжимает запястье. На запястье шрам, старый, кривой.

— Это мой брат. Он был здесь. И он не ушёл отсюда живым.

Он убрал телефон. Зоя стояла, глядя на осколки на полу. Не хотела смотреть на него. Не хотела, чтобы он видел её лицо. Не хотела, чтобы он видел, что она узнала это запястье.

— Вы должны решить. Молчать и оставить всё как есть. Или сказать правду. Если вы не скажете, я сделаю это сам. Я пойду в милицию. Я привезу экспертов. Я вытащу вашу запись, ваш журнал, ваши акты. Тогда вам будет хуже.

— Вы не сделаете этого.

— Смогу. — Он смотрел на неё. — Я не уйду. Я буду здесь, пока не получу ответы. И вы будете жить с этим. С конвертом в кармане, с губами, сжатыми, с вопросом в голове: что он скажет Антону, когда я отвернусь?

Он шагнул назад. К двери. Она чувствовала, как конверт жжёт ладонь. Хотела выбросить его. Хотела, чтобы он ушёл.

— Я знаю, что вы видели ту ночь. И я знаю, что вам заплатили за то, чтобы вы молчали.

Зоя смотрела на него. Он стоял в дверях, и дождь за его спиной стучал по стеклу. Она не могла ответить. Стояла и молчала.

— Я расскажу Антону. Если вы не признаетесь. Я скажу ему, что вы разговаривали со мной. Что вы взяли конверт. Что вы видели копию. Вы потеряете работу. Вы потеряете комнату. Вы потеряете всё.

Она сжала губы. Он кивнул.

— Я даю вам до вечера. До семи. Потом я приду к вам. И я приду с решением.

Дверь закрылась. Она осталась одна.

Дождь стучал по стеклу. Осколки лежали на полу, блестели. Вода растекалась лужей. Она стояла, не двигаясь. Сердце билось в горле. Ладони холодные, липкие.

Она вынула конверт. Посмотрела на него. Развернула. Внутри были деньги. Сотенные. Плотная пачка, перетянутая резинкой. Она пересчитала края. Примерно тридцать тысяч. Хватит ли на месяц? Она не знала. Знала, что хватит на лекарства. На палату. На мать.

Она спрятала конверт обратно в карман. Подошла к окну. Дождь стучал по стеклу. За стеклом озеро лежало чёрное, тяжёлое. Она смотрела на него. Думала о том, что он сказал. «До семи». Через четыре часа.

Она села на стул. Не заметила, как рухнула. Положила руки на стол, лбом на руки. В голове шумело, как в кочегарке, когда сыпают уголь.

Если она пойдёт к Антону, он уволит её. Он скажет: «Ты говорила с ним. Ты взяла конверт. Ты вынесла копию». Заберёт деньги. Заберёт комнату. Заберёт то немного, что у неё есть.

Если она промолчит, Никита пойдёт к Антону сам. Он скажет: «Зоя видела ту ночь. Она знает про лёд. Она взяла конверт». Антон уволит её. Заберёт деньги. Заберёт всё. А потом Никита уйдёт, и она останется ни с чем. С правдой, которую нельзя рассказать. С вопросом, который нельзя задать.

Она подняла голову. Посмотрела на осколки на полу. На жидкость, растекающуюся по линолеуму. Встала, взяла тряпку, намочила её. Собрала осколки. Вытерла лужу. Поставила банку на место — пустую, сухую. Она не знала, зачем делает это. Знала, что надо работать.

В дверь постучали. Зоя замерла. Стук повторился. Тихо. Она подошла к двери. Открыла. Света. В руках у неё был карандаш, обгрызенный до дерева. Лицо белое, как бумага.

— Зоя. Ты говорила с ним?

— Да.

— Он знает.

— Он знает. Про копию. Он знает, что ты дала мне её.

Света грызла карандаш. Не смотрела на Зою. Смотрела на осколки, которые Зоя уже собрала.

— Он спросил меня утром. Кто брал журнал. Я сказала, что ты.

— Зачем?

— Он видел тебя. Он знал, что ты брала. Если бы я сказала, что нет, он бы не поверил. Зоя смотрела на неё. Не знала, злиться или нет. Чувствовала, как губы сжались.

— Ты должна решить, — сказала Света. — Бумага помнит сильнее, чем люди.

— Что?

— Ну, — Света передёрнула плечами. — Он будет приходить. Каждый день. Будет задавать вопросы. Ты не сможешь молчать вечно.

— Я не молчу. Я работаю.

— Ты видела ту ночь. Ты знаешь, что его увели. Ты знаешь, кто.

Зоя не ответила. Посмотрела на окно. Дождь стучал по стеклу, и озеро за ним было чёрным, как уголь. Она слышала, как в кочегарке ссыпали уголь. Стекло дрожало. Она поджала губы.

— Я не могу сказать.

— Потому что мать?

Зоя посмотрела на неё. Света знала. Света всегда знала больше, чем говорила.

— Да.

Света вздохнула. Вынула карандаш изо рта, посмотрела на него, потом на Зою.

— Ты должна выбрать. Молчать и жить с этим. Или сказать и потерять всё. Я не могу решить за тебя.

— Я знаю.

Света повернулась и ушла. Дверь закрылась. Зоя осталась одна.

Она стояла у окна. Дождь стучал по стеклу. Озеро лежало чёрное, тяжёлое, как свинец. Она думала о том, что сказал Никита. До семи. Через четыре часа.

Она вынула конверт. Посмотрела на него. Потом открыла шкафчик, где хранила бинты и вату. Сунула конверт в коробку со старыми марлевыми повязками. Спрятала. Закрыла шкафчик. Задвинула защёлку.

Она подумала: он платит не за укол, а за то, что я не задала вопрос. Теперь вопрос задаст он — и я заставлю его заплатить.

Ватник

В коридоре пахло мокрой штукатуркой и хлоркой. Зоя закрыла дверь процедурной и услышала шаги. Тяжёлые, в войлочных тапочках, они шаркали по линолеуму, приближаясь. Она не обернулась — пошла к лестнице, но он уже был рядом.

— Зоя.

Она остановилась. Толя стоял в двух шагах, держал что-то в руках — серый ком, перетянутый бечёвкой. Шапка из песка с облезлым ухом сидела на голове криво, словно он забыл её поправить. Пальцы его теребили узел.

— Чего тебе? — спросила она.

Он мялся. Переступил с ноги на ногу. Сунул ей ком — она не взяла.

— Это... — он кашлянул. — Говорили, тебе пригодится. Ты ж одна тут.

— Не нужно мне ничего.

— Вещь хорошая. Тёплая.

Она посмотрела на ком. Старый ватник, выцветший, с пятнами масла на груди. Запах ударил раньше, чем она поняла: машинное масло, табак, прокисший пот. Толя всё ещё держал его, вытянув руки, и бечёвка моталась из стороны в сторону.

— Откуда это? — спросила она.

Он убрал руки. Ватник повис в воздухе между ними, потом Толя опустил его, прижал к груди, как ребёнка.

— Была у меня одна вещь. Лежала. Думал — отдать.

Она смотрела на его руки. Они дрожали, как будто это были чужие руки, не его. Старые руки, с тёмными пятнами, с трещинами на ладонях, с въевшейся в кожу машинной грязью.

— Чья это вещь? — спросила Зоя.

Толя посмотрел в сторону. За окном дождь колотил по стеклу — серое стекло покрылось дорожками воды, стекавшими вниз. Одна капля свернула не по своей дорожке, а вбок, в трещину.

— Не знаю, как сказать.

— Скажи прямо.

Он поднял глаза. Мокрые, как погода на улице.

— Это мужика одного. Который... — он замолчал. Сглотнул. — Который у нас зимой.

Зоя сделала шаг назад. Спиной упёрлась в дверь процедурной.

— Забери это.

— Зоя.

— Забери. Не нужно мне.

Он не уходил. Стоял, прижимая ватник к груди, и смотрел на неё. Она ненавидела этот взгляд. Ненавидела эти руки, эти старые руки, которые держали вещь брата. Ненавидела себя за то, что стоит и слушает.

— Ты же знала его.

— Никого я не знала.

— Он спрашивал про тебя.

Она замерла. Дождь колотил по стеклу. Где-то внизу грохнуло ведро — Лёша возился в кочегарке, и звук отдавался в трубах глухим, ровным гулом.

— Когда? — спросила она.

Толя опустил глаза. Ватник в его руках шуршал.

— Как приехал. Первый день. Спросил: «Зоя здесь работает?» Я говорю: «Здесь». А он...

— Толя замолчал. Покрутил шапку в руках. — Он сказал: «Передайте ей». Но я не передал.

Она смотрела на него. Внутри тянуло в разные стороны: взять и уйти, не брать и забыть, спросить ещё и замолчать. Она выбрала последнее.

— Что передать?

Толя поджал губы. Посмотрел в сторону лестницы, потом на Зою.

— Он сказал: «Скажите, что я не сержусь».

Тишина. Только дождь и далёкий грохот угля. Она стояла, прижавшись спиной к двери, и не могла двинуться. Не сержусь. Он не сержусь. Она смотрела на ватник. Запах уже не был чужим — он был её собственным, изнутри, словно она всю жизнь носила его в себе.

— Это его вещь, — сказал Толя.

Он протянул ватник. Она не взяла. Толя ждал. Руки у него тряслись — старые руки, с тёмными пятнами, с въевшейся в кожу машинной грязью.

— Откуда он у тебя? — спросила она.

— Он просил сохранить.

— Когда?

Толя не ответил. Сунул ватник ей в руки — она невольно приняла, и он сразу повернулся, пошёл к лестнице, шаркая войлочными тапочками.

— Толя.

Он остановился. Не обернулся.

— Когда он тебе это отдал?

Молчание. Потом Толя сказал, не оборачиваясь:

— В ту ночь.

Он пошёл вниз. Шаги стихли. Зоя осталась одна в коридоре, с ватником в руках. Он пах машинным маслом, табаком и чем-то ещё — мокрой шерстью, старой тканью, жизнью, которую она не знала. Она прижала ватник к лицу и вдохнула — внутри всё сжалось, словно Никита стоял рядом.

Она не знала, сколько стояла так. Дождь колотил по стеклу. Капли стекали вниз, и одна из них свернула не по своей дорожке, а вбок, в трещину на стекле. Она смотрела на эту каплю и не могла отвести глаз.

В комнате было холодно. Окно не закрывалось до конца — сквозняк тянул по полу, и занавеска шевелилась сама по себе. Зоя повесила ватник на спинку стула. Он висел, тёмный, тяжелый, и пах. Запах заполнял комнату, словно что-то живое село на стул и смотрело на неё.

Она легла на кровать. Смотрела в потолок. Трещина шла от угла к середине, ветвилась, как река на карте. Она проследила её взглядом от начала до конца — от стены до стены — и обратно. Никита. Он был жив. После той ночи. Он был жив и писал записку.

Она встала. Подошла к стулу. Провела ладонью по ватнику — ткань была грубая, шершавая, с заскорузлыми пятнами соли у ворота. Она взяла ватник обеими руками. Опустилась на колени. Сунула его под кровать.

Убрала руки. Посмотрела. Край ватника торчал — тёмный, на фоне серого пола.

Выдвинула его обратно. Встала. Повесила на стул.

Села на кровать. Смотрела на ватник. Он смотрел на неё.

— Что ты от меня хочешь? — спросила она вслух.

Не ответил. Только пах табаком и маслом.

Она снова подошла. Обшарила карманы. В левом — ничего. В правом — что-то хрустнуло.

Бумага.

Она вынула её. Сложенный вчетверо лист, мятый, с загнутым краем. Развернула. Почерк был торопливый, наклонный, карандашом. Она узнала эту руку. Держала бумагу в руках и смотрела на буквы, но не видела их — она видела его, за столом, склонившегося, и карандаш, который он грыз, когда думал.

Потом прочитала. Три строки. Она перечитала их трижды, прежде чем поняла.

«Зой, ты не виновата. Я сам пошёл. Только я не думал, что так выйдет. Если прочитаешь — не ищи.»

Она перевернула лист. Чисто. Снова перечитала. «Я сам пошёл». Он. Сам. Пошёл.

Она смотрела на бумагу, и внутри неё что-то ломалось — медленно, как лёд на озере по весне. Он был жив. После той ночи. Он был жив и писал записку. И она могла бы — она могла. Она слышала, как он просил открыть — тогда ещё. Она думала — показалось. Она закрыла окно. Она легла спать. А он — он был жив.

Записка дрожала в руках. Она сжала её — пальцы побелели. «Я сам пошёл». Если он сам — тогда кто его вёл? Тогда зачем двое? Зачем Антон у причала? Зачем Толя помогал нести вещи?

Она встала. Подошла к окну. Дождь колотил по стеклу, и капли стекали вниз. Она стояла и смотрела на озеро — чёрное, тяжёлое, как свинец. Пар поднимался над водой после дождя, и она размышляла о том, что лежит на дне.

Он написал «не ищи». Но он не сказал «прости». И он не сказал, что случилось. Она сжала записку так, что бумага хрустнула.

Она разжала пальцы. Бумага была мятой. Она разгладила её ладонью — складки не ушли.

Она стояла посреди комнаты с бумагой в руках и смотрела на ватник. Потом села на кровать, обняв ватник, прижала его к груди, и запах табака и масла наполнил её лёгкие. Внутри — словно лёд сдавил грудь. Она смотрела на свои руки — они дрожали, как будто это были чужие руки, не её. Она не помнила, когда перестало.

Она сидела так долго. Дождь колотил по стеклу. В кочегарке ссыпали уголь — глухой, ровный звук, как сердцебиение большого зверя. Она смотрела на записку.

«Я сам пошёл». Но Света видела, как двое выносили тело. Света видела запись, где было «тело не обнаружено». Она смотрела на бумагу, и в голове крутилось, как мутная вода в ведре: если он сам — зачем двое? Если он сам — зачем Антон вырезал запись? Если он сам — зачем приписка «тело не обнаружено»?

Зачем он написал «не ищи».

Она сжала записку. Мысли тянули в разные стороны, и ни одна не была правдой. Она знала только одно: он был жив. После той ночи. Он был жив и писал записку. И она могла — если бы не закрыла окно, если бы не повернулась, если бы хоть раз услышала — она могла...

Она встала, но рука замерла над ватником: она не могла решить, оставить его на виду или спрятать. Внутри что-то сжалось — она хотела выбросить его, но не могла, потому что это всё, что осталось от Никиты. Она сунула его под кровать, выровняла край, но, отойдя, обернулась и снова выдвинула — чтобы видеть.

Она надела халат. В коридоре гудели лампы. Она пошла к лестнице. Внизу пахло кухней — запаренная курага, овсянка. Катя мыла посуду, руки её пахли луком.

— Света здесь? — спросила Зоя.

Катя повернулась. Посмотрела на неё. Шёпотом:

— Ушла. Сказала, к сестре.

— Когда вернётся?

— Не сказала.

Зоя стояла в дверях столовой. Пар от кураги висел в воздухе, и запах был сладкий, приторный. Катя смотрела на неё, и руки её не знали, куда деться.

— Ты чего такая? — спросила Катя.

— Ничего.

— Бледная.

Зоя поджала губы. Развернулась. Пошла по коридору. За окном дождь колотил по подоконнику, и она шла, не зная, куда идти. Мать. У матери есть телефон. Тётя Зина. Она достанет. Скажет, что наведается. Давно не была. Соскучилась.

Она остановилась у окна в конце коридора. Озеро лежало внизу, серое, тяжёлое. Пар поднимался над водой. Она смотрела на пар и размышляла: «Он стоял здесь утром. Смотрел на лёд. Света видела». Он смотрел на лёд — и что он видел? Дыру? Машину? Тело?

Она повернулась. Пошла к матери.

Дорога к матери была одна — по грунтовке, мимо старого корпуса, где когда-то делали ванны, а теперь жили крысы. Она шла, опустив голову, и дождь колотил по капюшону. Грязь чвакала под ногами. Она думала о записке. «Я сам пошёл». Если он сам пошёл — зачем его вели? Руки у неё замёрзли, но она не чувствовала холода. Она чувствовала другое: тяжесть в груди, как будто что-то гнилое, старое, скрытое под снегом — начало таять.

Дом матери стоял в конце улицы, вросший в землю. Окна тёмные. Она постучала. Никто не ответил. Снова постучала. Замок щёлкнул.

Мать открыла. Морщинистая, с руками, которые не знали, куда деться. Посмотрела на Зою.

— Зоя?

— Можно войти?

Мать посторонилась. В комнате пахло старым бельём, сушёными яблоками, прошедшей жизнью. Зоя села на стул. Мать села напротив. Смотрела на неё.

— Ты чего пришла? Случилось что?

— Нет. Соскучилась.

Мать посмотрела на неё внимательно. Наклонила голову, как птица.

— Ты на себя не похожа.

— Нормальная я.

— Зоя.

Она поджала губы. Мать смотрела. Она знала этот взгляд — мать всегда видела больше, чем она говорила. И сейчас она видела то, что Зоя не хотела показывать. Она смотрела в пол, на трещину, которая шла от ножки стула к стене.

— Мам, а помнишь Никиту?

Тишина. Мать долго молчала. Потом взяла со стола сухое яблоко. Покрутила в руках. Резким движением откусила кусок. Прожевала. Проглотила.

— А чего его вспоминать?

— Просто.

— Никита умер. Год уже.

— Да, — сказала Зоя. — Умер.

Она сидела и смотрела на руки матери. Потом сказала:

— А он не мог... может, он не умер?

Мать замерла. Яблоко замерло в руке. Она посмотрела на Зою — и в глазах её было что-то такое, что Зоя не смогла прочитать. Мать отвернулась. Положила яблоко. Встала. Подошла к окну. Смотрела на дождь.

— Нет, — сказала она. — Умер.

— Ты уверена?

— Кого ты пришла меня мучить?

Она обернулась. Лицо у неё было серое. В руках — комок фартука, который она мяла.

— Ты чего пришла? Зачем? Он умер. Его нет. Никиты нет. Забудь.

— Мам.

— Забудь, я сказала!

Голос сорвался. Мать закашлялась. Села на стул. Руки её тряслись. Зоя смотрела на неё и не знала, что сказать. Она размышляла: «Она знает». Мать знает больше, чем говорит. Она всегда знала. Она видела. Она молчала. Она молчала год.

Мать не смотрела на неё. Смотрела на дождь за окном. Молчание тянулось, ломкое, как лёд.

— Мам.

— Иди, — сказала мать. Голос глухой. — Иди.

Она не ушла. Стояла. Мать не поворачивалась. Дождь колотил по стеклу. Потом мать сказала, не оборачиваясь:

— Ты молчи.

— О чём?

— О том, что спрашивала. Молчи, если хочешь жить.

Зоя смотрела на её спину — сгорбленную, маленькую. Потом вышла. Дверь закрылась. Она стояла на крыльце под дождём. Холодный ветер бил в лицо. Она сжала записку в кармане. Бумага хрустнула.

Она пошла назад. Грязь чвакала под ногами. Ветер толкал в спину. Она шла и размышляла о том, что мать не спросила, почему она пришла. Не спросила, что случилось. Сказала «молчи» — раньше, чем Зоя сказала хоть что-то. Она знала. Мать знала. Всю жизнь знала.

Вернулась в санаторий уже в сумерках. В коридоре гудели лампы. Она шла к себе, и шаги её гулко отдавались в тишине. Никого. Пусто. Только запах хлорки и мокрой штукатурки. Она открыла дверь комнаты. Ватник под кроватью был на месте. Она села на кровать, но пальцы не слушались — записка дрожала в руках, как лист на ветру. Она развернула её, прочитала снова, и снова, и снова, хотя знала каждую букву наизусть.

«Я сам пошёл. Только я не думал, что так выйдет.»

Если он сам — зачем Антон вырезал запись? Зачем двое выносили тело? Зачем «тело не обнаружено»?

Она сидела, сжимая бумагу, и смотрела на ватник. Записка говорила одно. Копия записи — другое. Света — третье. Мать — четвёртое. Все говорили разное. Все знали больше, чем говорили. И только она одна сидела в темноте с бумагой, которая должна была всё объяснить — и не объясняла ничего.

Она встала. Подошла к столу. Сложила записку вчетверо. Потом ещё раз. Ещё. Засунула в карман халата. Надела халат. Посмотрела на дверь.

Она должна пойти к Антону. Спросить. Прямо. Завтра утром. Она решила. Она подошла к двери. Остановилась.

Она посмотрела на свои руки — они дрожали, как будто это были чужие руки, не её. Она поджала губы. Сжала пальцы. Она стояла в темноте, между ватником под кроватью и дверью, и не могла сделать шаг ни туда, ни обратно.

Она сжала записку в кармане — и в этот момент за дверью раздались шаги. Тяжёлые, ровные. Они приближались. Она узнала их. Она знала их. Антон.

Она замерла.

Бактериальный фон

Шаги остановились ровно напротив её двери. Зоя прижала ладонь к карману халата, где лежала записка. Бумага хрустнула. Она замерла.

Лампочка под потолком мигнула. Тень от двери качнулась, и Зоя перевела взгляд на щель, где свет из коридора ложился на пол узкой полосой. Она не дышала. Слышала собственный пульс в ушах — глухие удары, как шаги по мокрому асфальту.

— Зоя Макарова.

Голос Антона — ровный, через дверь, как приказ по громкой связи. Она поджала губы. Не открыла. Тогда он постучал — три раза, коротко, костяшками. Каждый удар отдавался в рёбрах.

— Я знаю, что вы там. Журнал непрерывности.

Он помолчал. Она услышала, как он передвинулся — половица жалобно скрипнула. Где-то в конце коридора хлопнула дверь, и звук этот был как выстрел.

— Его открывали. Лезвием. Вы знаете, что я про это говорю.

Зоя перевела взгляд на дверную ручку. Она не была заперта. Она её никогда не запирала — в санатории замки только у директора и в кочегарке. Она сжала пальцы в кармане — бумага записки была тонкой, почти прозрачной. Она могла бы порвать её сейчас. На мелкие кусочки. В рот. Проглотить.

— Так... — сказала она, не открывая. Голос сорвался. Она прижала ладонь к горлу, будто могла затолкать звук обратно. — Вы нашли.

— Я нашёл, где вырезана страница. — Голос Антона стал тише. Она услышала шорох ткани — он трёр ладонью бедро. Она знала этот жест. Видела в кабинете, когда он говорил про продажу санатория. — Вопрос, кто её вырезал. И зачем. Вы работаете в процедурной. Журнал хранится у вас за стеклом. Ключи — только у вас и у меня.

Она открыла дверь. Он стоял в коридоре, под гудящей лампой, и держал руки в карманах пальто. Свет падал на его лицо сверху, оставлял глазницы тёмными. Она подумала, что он похож на портрет, который висел в холле у лестницы — тот, что сняли ещё до её приезда, когда директор сменился.

— Ключи, — повторила она. — У меня и у вас. Вы хотите сказать, что я вырезала страницу из собственного журнала?

Антон не ответил. Он смотрел на неё — и она вспомнила его руки: как они лежали на столе в кабинете, когда он говорил про продажу санатория. Как он трёт ладонью бедро, когда что-то прячет. Она заметила, что он сжимает в кармане пальто ключи — через ткань проступали острые края.

— Я не брала журнал, — сказала она. Длинная фраза, гладкая, на одном дыхании. — У меня не было причины трогать записи, мне хватает своих дел, и если в журнале чего-то нет — это не я вырезала, а кто-то, у кого есть доступ к ключам.

Она смотрела ему в лицо, пока говорила. Не отводила взгляд. Не моргала. Она видела, как его глазницы темнеют, когда лампочка мигает, и как он сжимает ключи в кармане.

Он наклонил голову. Улыбнулся — уголком рта.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда я проверю записи. У меня есть копия, которую сняли до того, как страницу вырезали. Сверю, что там было.

Он развернулся. Ватник под кроватью показался ей тяжёлым, как свинец. Она физически почувствовала его вес на полу, у своих ног, хотя он лежал в трёх метрах. Она представила, как он лопается по швам, когда Антон вытащит его, представила, как записка Никиты выпадает из внутреннего кармана.

— Антон.

Он остановился. Не обернулся. Ждал.

— Вы знаете, что в прошлый четверг я видела, как вы разговаривали с Толей у кочегарки? — сказала она. Голос её был ровным. Она не знала, откуда взяла эти слова, — но они вышли сами, как вода из треснувшей трубы. — Толя потом уехал. Вы сказали, что он взял расчёт.

Антон медленно повернулся. Лампочка гудела. Лицо его было в тени, но она увидела, как он перестал улыбаться.

— Толя уехал, — сказал он. — Я его не держал.

— Он не заходил за расчётом в бухгалтерию. — Она сказала это и поняла, что не знает, правда ли это. Но она видела, как Антон моргнул. — Я спрашивала.

— Вы спрашивали у бухгалтера?

— Я спрашивала.

Он стоял неподвижно. Потом сказал:

— Зоя Макарова. Вы ищете то, что вам не положено знать. Это опасно. Не в моём случае. В вашем.

Он ушёл. Коридор остался пустым. Лампа гудела ровно. Зоя стояла в дверях, сжимая записку в кармане. Сквозь стену пробился глухой стук — это в кочегарке перекидывали уголь. Стекло в процедурной дрожало — так бывало каждый раз, когда открывали топку. Она ждала, что оно треснет. Оно не треснуло.

Она закрыла дверь. Заперла. Впервые за год — заперла, повернув ключ два раза. Ключ оставила в замке. Придётся отпирать — и она замерла на секунду, прислушиваясь к тишине. В тишине было только её дыхание.

Она прижалась лбом к двери. Дерево было холодным. Она стояла так, сжимая ключ, и слышала, как далеко в коридоре кто-то идёт — шаги были ровные, не Антоновы. Не Лёшины. Она не знала, чьи.

Она подошла к кровати. Ватник лежал под ней, свёрнутый так, что выглядел как старая тряпка, брошенная за ненадобностью. Она вытащила его. Он пах потом и сыростью. Ворот облез. У одного рукава оторвана подкладка — она сама оторвала её, когда нашла записку, зашитую в шов. Она держала его перед собой. В кармане халата лежала другая записка. Две вещи. Два доказательства. Два конца.

Записка, которую она нашла вчера, была короткой. Три строки. Почерк Никиты — мелкий, наклонённый влево, она узнала его сразу, потому что он заполнял ведомости в процедурной, когда она не успевала. Она перечитала её снова, хотя знала наизусть.

«Если ты это читаешь — я уже не приду. Ватник мой. Я оставил его, чтобы ты знала: я не бросил мать. Меня увезли. Не ищи. Это не поможет».

Она сжала бумагу. Края её были мягкими — она уже много раз перечитывала её. Она знала, что там не написано «меня убили». Не написано, кто. Но она видела ту ночь. Она видела, как двое ведут человека к озеру. Она стояла у окна процедурной и смотрела, и ничего не сделала. Потом его не стало. Потом умер брат Никиты. И она всё молчала.

Она села на кровать. Ватник на коленях. Записка в руке. Она могла пойти к Антону и сказать, что брала журнал. Признаться. А он обыщет комнату. Найдёт ватник — на вид простой, но на воротнике пятно, которое она узнала, — и найдёт записку. Если она признается, она потеряет всё: записку, ватник, единственное, что у неё есть против него.

Она провела пальцем по пятну на воротнике. Оно было тёмным, почти чёрным. Она видела такие пятна раньше. В детстве, когда отец приходил с работы, мать стирала его рубашки в тазу, и вода становилась бурой. Она не спрашивала. Потом отец перестал приходить.

Она поднялась. Подошла к стене. Прижалась лбом к холодной штукатурке. Записка в руке — она могла сжечь её. В пепельнице нет, но в процедурной есть спиртовка. Один щелчок зажигалки — и бумага сворачивается, чернеет, пепел — в раковину, кран — и ничего. Никто не узнает. Никто не найдёт. Она останется чистой.

Она открыла глаза. Стена перед ней была серой, с трещиной от потолка до пола. Она видела ту ночь. Она видела, как двое ведут человека к озеру. Она стояла у окна процедурной и смотрела, и ничего не сделала. Она не сказала никому. Потом его не стало. Потом умер брат Никиты. И она всё молчала.

Она сжала записку. Не смогла. Спрятала обратно в карман.

Ватник. Она подняла его. Вес его был знакомым — тяжёлым, с запахом пота и сырости. Она сложила его. В подсобку, за тумбу со старыми простынями. Никто не найдёт — она сказала это себе, но голос внутри дрогнул. Она открыла дверь. Коридор был пуст, лампа гудела. Она прошла три шага. Дверь не скрипнула. Внутри пахло маслом, угольной пылью и старым деревом, и она вдруг вспомнила, как в детстве пряталась здесь от окриков отца. Она засунула ватник между тумбой и стеной. Прижала. Выпрямилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.